

Анатолий Селянин: ответ Редьярду Киплингу (портрет в интерьере цивилизации)

Анатолий Дмитриевич Селянин: профессор, заслуженный деятель искусств РФ. С 1972 года работает в Саратовской консерватории, в течение тридцати восьми лет возглавлял кафедру духовых и ударных инструментов. Класс Селянина окончили более ста человек, в числе которых заслуженные артисты России, лауреаты международных и всероссийских конкурсов. Он является автором научных работ по истории исполнительства на трубе и многочисленных аранжировок, редактором целого ряда нотных изданий. Принимал участие в многочисленных научно-практических конференциях, семинарах, проводил мастер-классы в Польше, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Англии, Германии, Франции, Венгрии, Греции, США. В качестве члена жюри неоднократно участвовал в крупнейших международных конкурсах. Вице-президент Евро-международной гильдии трубачей, единственный россиянин, избранный в члены директора Всемирной гильдии трубачей. В 1991 году основал первый в России концертный оркестр духовых инструментов «Волга-Бэнд», который является филармоническим коллективом и дает более 60 концертов в год.

А.Д. Селянин, Париж 1997 г.

Великий русский педагог XIX века К.Д. Ушинский сказал, что «только личность может воздействовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер». Анатолий Дмитриевич Селянин относится к категории именно таких педагогов, для кого обучение и воспитание – неразделимый процесс, кто видит в каждом своем студенте не только профессионала, но прежде всего личность – человека независимых взглядов, с широким образовательным кругозором, тягой к самосовершенствованию, верой в человечность, честность и доброту. Он из тех, кто воспитывает собственной личностью, стремясь дать ученикам как можно больше от себя самого – своего профессионализма, опыта, любви к людям и своему делу, от всего того, что знает и умеет, что видел и слышал.

Можно ли измерить масштабы личности? Наверное, нет. Особенно если широта ее соотносима с широтой самого мира. Взять хотя бы некоторые статьи Анатолия Дмитриевича – посвящения В.Г. Брандту, основателю класса трубы в Саратовской консерватории («России отданная жизнь») и герою поэмы немецкого поэта XIX в. В. Шеффеля («Трубач из Бад-Заккингена»), в которых читателю

открывается не только личность героя, но имя его вращается в большой мир других имен, явлений, событий и связей, и все это мироплетение становится достоянием самого автора, фактом собственного мироощущения.

Анатолий Дмитриевич называет себя «восточным человеком» – цитирует Омара Хайяма, на каждый случай из жизни у него найдется восточная премудрость. Ничего удивительного в этом нет: он родился недалеко от Ташкента, окончил Ташкентскую консерваторию и работал там какое-то время перед тем, как приехать на Волгу. Внутренние потребности профессионального и образовательного роста требовали постоянного расширения кругозора, открытия новых горизонтов в пространстве целого мира, и «восточный человек» оказался далеко на Западе, и еще во времена «железного занавеса» осознал необходимость воссоединения культур, Запада и Востока, хотя бы в сфере своей профессии. И ни холодная война, ни отсутствие государственной, городской и прочей поддержки не были препятствием. Книга, написанная профессором А.Д. Селяниным в соавторстве с президентом Европейской гильдии трубачей доктором Эдвардом Тарром, так и называется – «Запад встречает Восток».

Эти встречи, многие из которых А.Д. Селянин организовывал сам, стали темой нашей беседы.

– *Анатолий Дмитриевич, Вы единственный человек в России, удостоенный международной премии «Award of Merit» за выдающиеся успехи в исполнительстве и педагогике, за соединение трубачей Востока и Запада. Расскажите о своих маршрутах на Запад...*

– Я в первый раз оказался в Америке в 1983 году, в страшное время «второго Карибского кризиса» (от ред.: после ввода советских войск в Афганистан в 1979 году отношения между СССР и США резко обострились и еще больше усугубились после того, как осенью 1983 года советскими силами ПВО был сбит южно-корейский гражданский авиалайнер). Тогда наши самолеты не летали в Америку, министр иностранных дел А.А. Громыко отказывался ехать в ООН, академик Г.А. Арбатов, директор института США и Канады, не мог получить визу. А я, простой сельский музыкант (фамилия Селянин так и переводится – крестьянин, селянин) из города Саратова (о котором никто не знает, где

он находится, П. Булез спрашивал: «Это где-то в Сибири?») начинаю во Флориде цикл лекций в 10 университетах США. Я был единственным русским человеком, кому дали возможность выступить на университетской сцене в Америке в то время. Икогда я вышел к аудитории, по холодности и настороженности зала понял, что будет нелегко. Итогда я, демонстративно отложив в сторону текст лекции, говорю: «Давайте будем просто разговаривать. Задавайте ваши вопросы». Одна девочка встала: «Сэр, можно любые вопросы?», и я понял, что их предупредили: «Приехал советский и будет агитировать за КПСС, будьте осторожны». Мы разговаривали три часа...

– *И у Вас не было «трудностей перевода»?*

– Не без этого. Тогда у меня еще не очень хорошо с языком было. Например, когда я заговорил о Василии Георгиевиче Брандте, меня не поняли, о ком идет речь. Но когда я назвал два знаменитых Концертштюка, фа минор и Ми-бемоль мажор, «34 оркестровых этюда», услышал: «О, Бренд!...». У них его имя по-другому произносится.

– *Что же было главной темой общения?*

– В Корнельском университете в Итаке, штат Нью-Йорк, я читал лекцию о становлении российской и американской школ духовых инструментов и об их взаимовлиянии, а взаимовлияние это огромное. И после того, как я прочитал трехчасовую лекцию (а мы до этого из Флориды сутки ехали на машине), и я уже был

абсолютно усталый, ко мне подходит президент университета и говорит: «Анатолий, мы очень просим Вам принять одну женщину». Женщину так женщину... Я выхожу в другую комнату, и сидит дама. На коляске. Ей восемьдесят лет. Она на двух самолетах прилетела, чтобы послушать русского! И была это Эдна Вайт, о которой я сейчас пишу большую статью. В 16 лет она выступала впервые в зале Карнеги Холл на трубе. Я был ошарашен: в 80 лет лететь двумя самолетами, чтобы послушать русского о взаимовлиянии российской и американской школ?..

– *В чем это взаимовлияние сказывается?*

– Об этом я писал в статьях «Солист Поэмы экстаза» и «Русский звук в Америке». Русский звук, которым играют «Поэму экстаза» – особое явление. В России ее играл Михаил Табаков, и сам Скрябин, со слов Ю.С. Сахновского (композитора, дирижера и музыкального критика, близкого друга С.В. Рахманинова), говорил, что купил бы Табакова, чтобы он играл только его сочинения. А Вы знаете, как называлась «Поэма экстаза» в оригинале? – «Лучезарная поэма». Это название и передает русский звук – открытый, блестящий. Этот звук пришел в Америку вместе с Максом Шлессбергом, который учился в Москве в Филармоническом училище (сам из Прибалтики, из Лиепая), потом поехал в Америку, стал первым трубачом Бостонского оркестра и основал класс трубы в Джульярдской школе. А потом в Америке появился и свой «американский Табаков», с таким же ярким звуком – Роже Маже, который впервые в Америке сыграл «Поэму экстаза». И С. Кусевский (не кто-нибудь, а опять-таки русский!) сказал: «Труба Роже Маже покрывает оркестр золотом звука». Вот что такое русский звук. Звук, который создала сама русская музыка.

– *Если говорить об обратном влиянии, Запада на Восток, то*

Ж.-П. Мате, А. Селянин,
М. Андре, Т. Стивенс

лучшим примером, наверное, будет “Волга-Бэнд”, созданный Вами по образу и подобию американских оркестров, ведь в каждом университете США есть оркестр такого же состава. Этот коллектив концертирует в течение двадцати лет, и не одно поколение студентов Саратовской консерватории прошло через его живую оркестровую «школу».

– В «Волга-Бэнде» постоянно играет восемьдесят процентов студентов. Моя идея была создать оркестр, в котором в каждой группе будут сидеть концертмейстер-педагог и его ученики, в этом отношении наш оркестр – абсолютно уникальный коллектив. Поработав с хорошими дирижерами, с хорошими программами пять-шесть лет, наши люди едут в Петербург, Москву, участвуют в конкурсах, занимают хорошие позиции, устраиваются за рубежом. Мой студент Илья Сергиенко работает в оркестре в Лос-Анжелесе, Инна Станева, флейтистка из «Волга-Бэнда», защитила в Америке докторскую диссертацию, Н. Медведева, блестящая валторнистка, окончившая Саратовскую консерваторию и работавшая на кафедре, сейчас тоже в Америке. И многие другие...

– *“Волга-Бэнд” – «территория» для встреч Востока и Запада непосредственно здесь у нас, в Саратове. Для работы с оркестрами приезжают дирижеры из США, постоянно осуществляют мировые премьеры новых, неизвестных в России сочинений...*

– Для этого он и создавался. Мы сыграли Вторую рапсодию

С. И. Линдеманом, 2004 г.

Гершвина, «Американскую увертюру» Прокофьева – кто знал об этих произведениях раньше? Чешский композитор Карел Хуза, который уехал в Америку после событий 1968 года, предложил исполнить свое сочинение, написанное для оркестра такого состава, как мы, – «Музыка для Праги. 1968». В предисловии к этой партитуре было написано, что она исполнялась уже более 500 раз. И ни разу в России. Мне было стыдно это читать. Конечно же, мы должны были это сыграть, и сыграть в России. Успех в филармонии был невероятный!..

Каждый год специально для нас израильский композитор Борис Пиговат (я с ним учился в аспирантуре Московской консерватории) пишет новое сочинение, а мы ежегодно проводим фестиваль еврейской музыки в Саратове, на Хануку (День света, 8 декабря). Этот праздник мы начали отмечать с исполнения «Массады» Б. Пиговата. И когда организовывали первый фестиваль, на который пригласили крупнейшего писателя современности Эфраима Севелу, я очень боялся, что найдутся два-три бритоголовых балбеса, которым ничего не стоит испортить людям впечатление. И заказал две бригады ОМОНа. Зал был полон... И после первого отделения начальник ОМОНа подходит и говорит: «Ну, зачем вы нас вызвали? Такая хорошая атмосфера! Люди поют, танцуют, держась за руки»... Хорошая музыка объединяет людей. Вот для чего мы и создавали этот оркестр.

С. Д. Монетт, 1995 г.

«Волга-Бэнд»

– *Расскажите, какие трудности приходится преодолевать при встрече гостей с Запада на нашей земле? Наверное, не только связанные с переводом?*

– Поскольку приглашение гостей – это почти всегда моя инициатива, все трудности ложатся на мои плечи. Когда я бываю в Америке, встречаюсь с президентами университетов, объясняю ситуацию, выбиваю деньги, и на эти деньги к нам приезжают. К сожалению, наш город ничем нам не помогает. Вот здесь у нас есть фотография Шведского оркестра – чемпион мира в Австралии на конкурсе Брасс-Бэндов, в котором участвовало 97 оркестров со всех континентов. И я пригласил шведов к нам в Саратов. Мэру говорю: «Приезжает выдающийся коллектив, сделайте прием у себя в мэрии». Ответ был: «Это ваши гости, вы их и принимайте». Когда Бэнд приехал, был полный зал, все было великолепно. Но после концерта в городе ни один человек пальцем не пошевелил, и мы с женой принимали 33 человека в своей «хрущобе». Целую неделю лепили пельмени, две тысячи штук, трехлитровую банку деревенской сметаны на стол поставили, а когда нужно было на балкон выйти покурить, пролезали под столом, как собаки. Но когда уезжали, они все выстроились перед поездом и кричали: «Лариса, Толя, браво!».

– *Анатолий Дмитриевич, как Вы относитесь к фразе Р. Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда»?*

– Я думаю, Киплинг сам не знал, кто он был – поэт-публицист или сказочник, англичанин или южно-африканец. Я думаю, что в этой фразе Киплинга – одна политика. И хотя я сам ее несколько раз произносил, она не близка мне. Думаю, это полная чепуха. Я был членом жюри на конкурсе Мориса Андре в Париже. После конкурса членам жюри было выделено по пять минут для встречи с президентом Франции. И когда мы с Жаком Шираком начали разговаривать, наше общение вышло за пределы регламента. Секьюрити с ног сбились – пять минут дали, а мы разговариваем полчаса!.. Жак Ширак тогда получил международную премию за переводы Лермонтова на французский язык, и ему важно было послушать музыку русской речи. А я «лопухнулся», когда он попросил прочесть что-нибудь из Лермонтова, начал: «Горные вершины спят во тьме ночной...». Он меня остановил: «Нет, нет, это Гёте...». Но зато я исправился уже в доме самого Гёте, в Ильменау. Там на стене висел плакат, и никто не знал, что на нем написано. А я смог им прочесть, потому что это были «Горные вершины» на казахском языке в переводе Абая. Я же учился в Узбекистане, а узбекский и казахский – близкие языки. Так кто тут кого встречает, почему им никогда не сойтись?..

Беседовала
Н.В. Королевская